

Пока Вадо выгонял машину, мы ожидали на крыльце, любуясь гаснущим небом и серпиком холодного месяца. Выхватив светом фар из сумрака деревья, показался комфортабельный линкор. Когда положили багаж и расселись, дядь Вадо выслушал адрес и пожелал приятной дороги.

Пока дорога несётся под колеса, а едва ощутимое покачивание навевает дрему, я разгоняю тенета сна мыслями и обдумываю, как сообщить маме о нашем приезде. Сейчас позвонить или уже по приезду? Всё же понял, что лучше сейчас, пока не поздно.

- Мам, привет!

- Добрый вечер, Рыжик. Что звонишь? – спросила она тепло.

- Мам, можно Веронике у нас погостить пару дней?

- Ой, а что она собирается? – заметно взволнованным голосом, спросила мама.

- Ага, есть такая нужда.

- Передай, пожалуйста, что двери нашего дома всегда открыты для неё. Я приготовлю гостевую, сынок.

- Хорошо мам, но ты папу попроси, если что помочь, ага?

- Будто он даст мне одной что-то делать! – рассмеялась она. – Моё время – утро, пока наш папа спит.

- Ха-хах, ладно мам, до вечера. Мы будем позже.

- Целую, Рыжик.

Глянул на Веронику, что ожидающе смотрит. Передал ответ мамы, присовокупив широкой улыбкой. Девушка обрадовалась и мы взялись обсуждать учёбу, предметы и педагогический подход – хорош или нет?

Ружияр встречает теплом. Окраина города больше производственная и потому тёмная – спит, в ожидании нового дня. Зато дальше жизнь начинает звучать громче. В спальных районах видны многолюдные спортивные и детские площадки, в парках гуляют жители: кто парами, кто семьёй, кто в одиночку. Много светящихся точек смартфонов, перебиваемых городским освещением. Встретилась несколько малых концертов местных коллективов.

Ближе к центру, активность бьёт ключом. Стихнет позже всех, уже после полуночи. Здесь сосредоточены офисы, представительства крупных компаний, множество мелких точек оказания услуг, среди коих, большую часть составляет ресторанный бизнес, включающий всё – от уличной закусочной, до мест справления торжеств. “Золото Симфонии” даже тут выделяется, что расположено в старом, спальном районе, где практически нет домов квартирного типа. Мы проехали очередной мост и начался лёгкий подъём. Вновь шум города угас, оставаясь ровным фоном, а устремившиеся природные запахи взволновали сердце. Вскоре мы прибыли.

- Приятного отдыха и аппетита, ребята, – напутствует Вадо, тоже выходя из автомобиля.

Я вдруг подумал, что он тоже может быть голоден. Уточнил.

– Всё хорошо – в Золоте Симфонии есть специальный зал для водителей и прочего персонала. Во-о-он там! – показал дядь Вадо. Я увидел одноэтажное прилегающее помещение, с большими окнами, что дают хороший обзор на двор и парадный вход. Со спокойной душой махнул ему рукой и мы с Вероникой двинулись ко входу.

Потомок По Сигизмунда – Адриан, сегодня оказался на смене и узрев наше прибытие, ожидает у входа. От него исходит такое радушие, что я тут же ощутил ответную радость.

– Доброго вечера, юные господа. Куда изволите пройти?

Мы остановились и тепло поприветствовали. Я взялся отвечать:

– Предпочтительнее было бы вновь на ту уединенную террасу.

– Сообщаю Вам для удобства внутреннее название – второй стол. Секунду, проверю доступность.

Адриан отошел и начал тихо переговариваться через усик связи, что почти не заметен на воротнике темно-зелёного костюма – косоворотки и брюк вольного кроя.

– Молодые господа, будет готово через пять минут. Можно пока занять вас выбором блюд и небольшой экскурсией по нашей знаменитой картинной галерее?

– Можно, ведите, – ответила Вероника.

С прошлого раза я запомнил лишь те блюда, которые ел и пару из списка. Поэтому в этот раз выбирал вновь обстоятельно, и с расчётом попробовать новое. Вероника сразу попросила равняться на предпочтения, а не цены. Я, конечно, предпочтений пока не имею, в рамках столь изысканной и разнообразной кухни, но поставил цель выработать.

Временно мы сели в ближайшей беседке с балдахином из плотной ткани. Под потолок уходят воздушные лоскуты из шифона пастельной палитры. Ненавязчивый свет даёт ровно столько освещения, сколько надо для чтения и просмотра, и его можно потом приглушить – углядел я декоративную лапку из дерева.

Меню с двумя золотыми полосками легло на стол. Вскоре Адриан передал заказ на кухню, а мы пошли любоваться галереей.

Картинная галерея в Золоте Симфонии – это комната, столь обильно насыщенная роскошью, сколько позволяют границы вкуса и стиля. Нам предстали полотна написанные маслом, заключенные в деревянный багет, могучий дарить удовольствие от созерцания и без картин. Так же, в качестве исключительных ценностей, висят на стене два гобелена и один ковёр. Освещение, льющееся с богато украшенного потолка, даёт возможно окунуться как в палитру цветов, так и в совокупный изображенный образ, будь он на картинах или иных основах. Над потолком трудился не просто мастер-скульптор, а Бог, решивший вдруг порадовать смертный род предметом творчества. Здесь есть место солнцу, в центре, его лучам, звёздам и тверди Земли. Мы видим все важные сферы жизни, включая духовную, тесно переплетённые друг с другом. Лица людей и морды животных выполнены столь тщательно, что кажется они вот-вот оживут.

Пол укрыт богатыми орнаментами, напоминающими лабиринт. Паркет из разномастных пород дерева, тянет взгляд от одной вязи к другой, от фигуры к фигуре.

- Вы можете видеть, юные господа, как вся императорская семья собралась для совместного портрета. Посередине – Георг Хмурый, первый император Симфонии, по правую руку его жена, а ниже дети. Вокруг остальная кровная родня и их супруги. Могут возникать споры, а первый ли он Император, но я ответственно заявляю, что да. Ибо любой из предыдущих претендентов не имел той полноты власти, что впервые было сосредоточена в Ружияре при Георге Хмуром и осталась в последствии.

Мы успели рассмотреть ещё одну картину, выполненную с таким же мастерством, как и остальное, прежде чем Адриану сообщили о завершении приготовлений, и мы проследовали на террасу.

- Предпочтёте самим взять порцию или мне это сделать?

Мы отблагодарили и освободили его, оставшись наедине с прекрасным видом на город и серпиком на небе в окружении звёзд. Зеленые плетуны благоухающие в прошлый раз, уже поддались осени и начали желтеть, но атмосферу это не портит, а лишь добавляет некоего шарма.

Наконец пища попала в желудок и тот возликовал. Обменялись с Вероникой довольными взглядами и вернулись к потреблению еды.

Сегодня совпало, что и голодные, и Вероника планировала пожить в Золоте Симфонии, но по большому счёту я бы и с кружечкой кофе посидел здесь и даже без. Необходимо только общество волшебной Вероники и эта маленькая терраса. Ты вроде бы окидываешь лес высоток Ружияра, скользишь по угадываемому контуру космического корабля, но мысли возвращаются к прошлому. Всего каких-то три с лишним месяца назад я первый раз пришел на занятия, а сейчас смотрю туда и пропасть между. Неужели и впереди так же? Я, окончивший второй триместр, буду ли смотреть на себя сегодняшнего с края обрыва? Или понадобится больше времени... год или все два...

Мы вновь у перил. Тишина вовсе не давящая, слов из уст не выуживает, а вот мысли голосят вовсю. Я поставил перед собой цель – снять заклятье, хорошо, допустим всё получится, а дальше как? Ведь сейчас я активен, мир широк, а за изгибом жизненного пути ждёт неопределённость. Всматриваешься вдаль, напрягая глаза и голову, а сам на всякий случай готовишься, вдруг прилетит чего. И вот, поворот пройден, а дорога просматривается в светлый день на многие километры. Я буду продолжать учиться, общаясь сразу с двумя детьми семьи Волох, читать комиксы, гонять на веле... Вроде бы ничего плохо нет, а настроение падает и уныние вползает внутрь, как промозглый туман в ущелье.

И тут подсознание или что-то за гранью осознанности напоминает о грядущем прибавлении в семье, уже, в общем-то случившемся. О проекте, за который взялся отец, о новых экспедициях Трисмегиста... И следом – недавний разговор об отголосках могучих заклинаний в Симфонии и за.

Замечаю пристальный взгляд Вероники, сейчас тёмный и глубокий.

- Хорошее место – заводит в трясину размышлений, – хохнул я в конце.

Девушка и сама рассмеялась, спрашивает:

- Почему трясину?

- Нельзя точно сказать – выберешься или затянет на дно депрессии, – пояснил я.

Вероника в удивлении взметнула бровки.

- Интересное наблюдение, - отметила она, - только почему в депрессию? Может в грусть или уныние?

- Да, конечно, но всё это ступени в один конец...- ответил я и смутился от собственной же философской интонации.

- Мне по душе твой слог и всё же я не думаю, что стоит красить в чёрный все эти чувства, - произнесла Вероника тёплым и приятным голосом. - Это как система координат - человек движется по жизни, принимая волевые решения и попадая под ответственность за них. Его положение, в конкретный момент, имеет проекцию на ось либо отвечающую за стадии отрицательного настроения, либо даже осей, каждая из которых соответствует состоянию.

Меня как молнией пронзила эта отзвучавшая модель мира. Даже воздуха по рыби схватил, перед вопросом:

- Это как понимание многомерности пространства, в обход тупика материального догматизма?

- Что ты, Матус, я не претендую на такое, - засмеялась она. - Высказался ты, как на конференции, хе-хе.

Я чуть смутился, поняв всю квадратность слов. Решил попытаться изъясниться иначе:

- Просто отделив духовное от материального... даже скорее плотно-материального, - поправился я, - человек попадает в ловушку неполной картины мира и не может принимать верные решения. А ты вносишь такое понимание, как новые мерности, но не в привычном смысле, а в духовном. Соединив в начальной точке координат духовное и материальное, можем видеть зависимости чуть ли не на уровне формул. Это очень интересный подход.

Мой взгляд исторгает глубочайшее восхищение. Девушка вдруг смутилась и, отвернувшись, отвечает:

- Спасибо, но ты перехваливаешь, Матус.

Даже раскаянье овладело, что так яро насел. Решил сгладить момент и рассказать кое-чего из соображений:

- Хех, у меня тоже были размышления на эту тему, не так давно, конечно, только веет от них какой-то детскостью. В общем, если четвёртое измерение это координата, показывающая за бесконечно малую величину времени положение объёмной материи, вроде слайд-шоу, то пятым можно считать ось координат, где отображено всё многообразие параллельных миров, подчиняющихся некой закономерности. Физика пространства у них одна, но вот разновидностей много, включая те самые, что уже во многих комиксах описали. Поступил так или эдак - уже два разных мира, на одной оси координат параллельных пространств.

Вероника кивнула и с сыграв бровями говорит:

- Или в фильме "Семь Возможностей", да?

- Именно, там как раз...

Вошёл Адриан.

- Изволите ещё что-нибудь?

Я взглянул на спутницу, но председатель только милую и смешную рожицу состроила, мол, не знаю.

- Пару крепких кофе, молоко и сладкого на Ваш выбор, Адриан, - в итоге огласил я.

- Принято. Только выбор предоставляю кондитеру, - открыто и располагающе улыбнулся он и ушёл, забрав всё лишнее.

- Хороший выбор, - похвалила Вероника, - а ты мог бы продолжить?

- Спасибо, - несколько оторопев, ответил я, - неужели интересно?

- Очень! Прощу, Матус. Ты закончил на пятом измерении.

- Э-э... да, точно! - наконец вспомнил я на чём закончил. - В общем пятое как-бы закрывает границы Вселенной в привычном смысле и проводит в иное понимание Мира... Шестое, позволяет взглянуть на пространство с ракурса иных физических законов, то есть принципов организации материи вплоть до атомарной структуры и даже глубже. Я предполагаю, что знакомые нам простейшие геометрические фигуры там отсутствуют, но есть иное. И важно понимать, что шестая координата отнюдь не означает, что варианты реальностей ниже или выше наших, но они не параллельны, а значит имеют лишь единичные случаи пересечений.

Я прочистил горло, заодно поднимая в памяти подзабытый образ, вроде детской мечты о полётах в космосе.

- Седьмая ось координат самая глупая, потому, что трудно объяснить, - рассмеялся я. - Понимаю её так - даже в мире с иной физикой, есть общее, глубинное понимание... хотя нет - чувство, смутное-смутное, что задумка у нас общая. Общий Творец... э-э, Бог! Вот, а седьмая ось - это виды Задумок, виды Творцов, вписанных в некий иной объём - глупое и не подходящее слово, но тень понимания даёт - единицу восьмой оси. Вот такие были мысли...

Вероника чуть приоткрыла чувственный рот, всем видом показывая интерес - это вознесло меня на седьмые небеса счастья, хоть я и отношусь к сказанному, как к глупостям. Но разве можно устоять перед такой реакцией?

- Матус, - обратилась она и нутро сразу обожгло чувственностью момента, - я не плохо успеваю с учёбой, но мир магии более знаком и близок. Поэтому, судить авторитетно не имею права и всё же, как ты сказал, для догматичного научного материализма - эта теория прекрасна. Мне очень нравится.

Я бы точно сейчас упорхнул мотыльком, но не могу оставить спутницу. От столь ёмких и приятных слов, чувство собственной значимости возросло на порядок. Оценка председателя Бастиона может любого вернуть на путь гордости за самого себя, а в такой обстановке и такими словами - обратить в нарцисса.

- Очень приятно...- произнёс я. - Честно признаться, относился к этому как к простой фантазии, что буйствует после очередного комикса или игры.

От новых откровений отвлёк Адриан принесший кофе сладости. Устоять перед таким можно, но точно не в нашей реальности, поэтому беседа отошла на второй план. Имеет место быть обмен мнениями, касаемо восхитительных по вкусу пирожных и печенья. Кондитеру удалось

подхватить нас на парусах наслаждения и унести в мир, где перелетаешь от одного островка к другому и вкушаешь на каждом уникальные и бесподобные сладости.

Насыщенный день и удивительный вечер напомнили о сне, начиная морить. Довольные настолько, насколько возможно, мы пошли к выходу, сопровождаемые немного гордым По Адрианом, что считает теперь делом чести устраивать нам истинный рай, пока гостим в Золоте Симфонии. Сегодняшний день похож на сон больше, чем полностью, но всё же осознание реальности происходящего, полнит меня глубоким чувством счастья, сравнимым с углями. Греть будут долго-долго. А впереди отнюдь не конец, ведь едем ко мне и Вероника останется. Автор дня превзошёл себя, насыщая его столь важными событиями, но я всё же задремал по пути.

Дядя Вадо мягко разбудил и достал багаж. На удивление, мама встретила нас ещё на пороге:

- Ну наконец-то! Матус, ты чего не следишь за временем – уже половина двенадцатого! – отчитала она сразу.

- Мам, я каждый день так ложусь, чего ты прям, – напомнил я.

- Ага, вот ведь молодец, а позаботится о Веронике? – опрокинула мама всю аргументацию. – Приличные девушки, как она, ложиться предпочитают пораньше!

- Большое спасибо Вам, Ансельма, – вступила Вероника, тоже отчасти пристыженная, – но здесь и моя вина есть. Можно сказать – мы друг другу подыграли.

Спустился папа и с примиряющей улыбкой говорит:

- Ну, ладно тебе, пусть уже заходят, – даже рассмеялся он. – Здравствуйте, Ивер!

Это он поприветствовал нашего замечательного водителя.

- Доброго вечера! Вадо, очень приятно.

- Может, – проговорил папа, под тихие слова мамы: “Да, что-то я переволновалась за детишек.”, – зайдёте на чай?

Мама подхватила:

- А лучше переночуйте – темно уже!

- Хорошая идея, кстати, – в знакомой мне манере, поддержал папа – они всегда друг-друга поддерживают, – можно в шахматы или шашки сыграть даже. Знакомьтесь – Ансельма. Моя любимая супруга.

Вадо излучает такую светлую улыбку, что его, и так добрый образ, обрёл ореол святости.

- К вящему огорчению не могу принять такое щедрое предложение – работа, – чуть поклонился он.

Вероника тут же откликнулась:

- Вадо, всё в порядке, с домом ничего не случится. Оставайся, я прошу.

Водитель тут же кивнул и говорит:

- Хорошо, секундочку, - достал пульт и сначала закрылся багажник, а позже мигнула сигнализация, - всё, готов быть гостем!

Мы дружно рассмеялись и, наконец, вошли в дом. Папа тут же успокоил маму, что мы тут справимся сами и пошёл провожать её. Мама напоследок поцеловала нас с Вероникой и сообщила о готовности комнаты для гостя. Вскоре мы оказались в гостинной втроём и я принялся охаживать гостей. Дядя Вадо убедил, что на диванчике, хотя я усиленно сватал своё обиталище. Веронике я налил тохинского сока и ушёл за постельным бельём, а по возвращению папа уже вовсю беседовал с Вадо за столом. Возле каждого стоит по кружке чая.

- Ну, думаю они тут долго будут сидеть, тем более шахматы и всё такое, - сообщил тихо я Веронике, что грациозно сидит в кресле. Тёплый свет и наш, в пастельных тонах, интерьер, прекрасно оттеняют её прекрасные черты.

- Если ты устала, - продолжаю я, - то пойдём провожу.

- А второй вариант? - с намёком улыбнулась девушка.

- Можем ненадолго ко мне подняться - покажу, как живу и вообще, - выговорил я, смутившись от своего же "вообще".

Председатель стрельнула взглядом и уточняет:

- Ненадолго? И, второй вопрос: как соотносятся "ненадолго" и это интригующее "вообще"?

Хорошо, что взрослые сейчас увлечены беседой потому, что покраснел я на зависть перезревшему помидору. Мысли предательски покинули голову, а тут же вышедшие из под контроля горло и язык решили жить своей жизнью.

- П-просто мама пристыдила... да и вообще... Но, конечно, можно и подольше посидеть...

- Можешь быть спокойным за мой сон, если коротко, то из-за магических способностей, я могу пренебрегать им по надобности, - проговорила девушка и я с большим облегчением воззрился на неё, - но я не могу игнорировать твои потребности организма.

- Ой, что ты! - чуть не взвился я. - Тут никаких проблем, тем более в машине поспал немного. Тогда, пошли?

- Да, только давай занесём мои вещи, - ответила Вероника.

Я быстро отнес нужное в гостевую и, пожелав доброй ночи, мы поднялись.

Никогда бы не предположил, что буду стесняться комнаты - перед друзьями в Тохе такого не было, но оно и понятно.

Вероника осторожно переступила порог. Выключатель щелкнув, пустив поток электронов по кабелю. Председатель с любопытством огляделась, да я и сам вдруг словно заново вижу родные стены.

Окна здесь два: у дальней стены над столом - выходит на улицу, и сразу слева, на соседский дом - отсюда иногда вижу двойняшек. Справа от двери стоит шкаф, в зеркало которого гляжусь перед выходом. Рабочий стол, стены - в светлых тонах, что-то типа бежево-молочного. Кровать стоит вплотную к углу, а над ней полки с книгами, комиксами и играми. В остальных

местах, где позволяла площадь, замостил плакатами из игр и комиксов. Пол графитового цвета и синее плотно герба Ружияра, выделяются из общей гаммы комнаты. Ну и, конечно, новая акустика тянется едва прибранными проводами к углам, где темнеют мощные колонки.

Так и осмотрелись вдвоём.

– Уютно и компактно, у меня были схожие ожидания.

– Я рад за такой отзыв, хех, думал будет хуже, – облегчённо ответил я. – Прошу, присаживайся, можно на кровать, можно в кресло.

– Спасибо, – отозвалась Вероника, всё ещё оглядываясь. Вскоре мы расселись. Она выбрала кровать.

– А как ты обычно проводишь вечера или выходные? – поинтересовалась гостья.

Я взялся рассказывать и показывать. Незаметно минул час и спать захотелось уже серьёзно. К удивлению и радости, Веронике тоже клонит ко сну. С лёгкостью я взял её под локоть и проводил в гостевую, где мама постаралась на славу: комната блистает чистотой и порядком, а благоухающий розами воздух просто чудесен. На прикроватном столике стаканчик и графин с водой. На краю кровати, аккуратно свёрнутая пижама.

Мы встретились взглядами на пороге и я с великим удивлением увидел новое выражение на лице Вероники – умиротворённое и спокойное. Трудно сказать, в чём именно выражается, но раньше всегда было видно остроту разума, почти хищную внимательность, а сейчас передо мной именно Исинн Вероника. Не председатель или магистр, а простая девушка. Чувство нежности захлестнуло меня и произношу голосом, удивительно полным тепла и заботы:

– Спокойной ночи, добрых снов.

– И тебе, Матус, – почти шёпотом сказала она и прикрыла дверь.

Меня пробрала дрожь от глубинных ноток в голосе, поэтому сдвинулся с места не сразу. Такой трогательной, бархатной нотки я ещё не слышал.